

Литературная хроника.

«Палата № 6», г. А. П. Чехова.

I.

Перед нами одно из лучших произведений г. Чехова. Давно уже не писал он ничего подобного. Оно производит на читателя потрясающее, неотразимое впечатление. Я, по крайней мере, прочтя повесть утром, весь день в всю ночь находилась под обаянием ее, она не выходила у меня из головы; ночью я грезилась ею. Повесть захватывает не только в психическом и психиатрическом отношении, но и тем, что затрагивает весьма существенный и чувствительный нерв современной жизни.

Но случился с повестью г. Чехова вот какой случай. Надо вам сказать, что раньше, чем я успела прочесть ее сама, женаознакомилась с сюжетом ее одним пришедшим ко мне приятель, только что прочитавший ее и, в свою очередь, приходивший под сильнейшее впечатление. По рассказу моего приятеля, в основе сюжета лежит чистейшая уголовщина, заключающаяся в том, что человека, находившегося, как официально выражаются, «в здравом уме и твердой памяти», заподозривают в похищении, скрывают в сумасшедший дом и там он трагически погибает от случайного удара под побоями больничных сторожей.

Все это, по словам моего приятеля, случилось не спроста и не случайно, а по сознательному умыслу злого человека, в интересах которого было погубить таким ужасным образом своего ближнего. В захолуствии, видите-ли, город жили были два доктора. Один из них, Андрей Ефимович Рагин, двадцать лет уже состоял при городской больнице, хотя медицину знал очень плохо; службу он исполнял небрежно, но был очень мягкий, добрый, гуманный и любил пофилософствовать на досуге. Другой — уродливый врач, Евгений Федорович Хоботов был приглашен городом на усиление медицинского персонала в городской больницу и на помощь Рагину. Это был еще молодой человек, лет около 30, высокой брюнеты с широкими скулами и наземными глазами. Приехал он в город без гроша денег, с несколькими рекомендациями и с молодой женой, которую он называл своей кухаркой. У этой женщины был изденец. Ходил Евгений Федорович в фуражке с козырьком и в высоких сапогах, а выходил в полушубке. Он близко сошелся с фельдшером Сергеем Сергичевым и с казначеем, а остальных чиновников называл почтенно-то арест-вратями и стариками их. Во всей квартире у него была одна только книга: — Последние рецензии отской клиники 1881 года. Идя к больному, он всегда брал с собой и эту книгу. В клуб по вечерам играл в бильярд, карты же не любил. Больной был ототник удовлетворять в разговоре (т. е. слова, как кандидат, политическая с укусом), будет тебе так наводить и т. п.

В больнице он бывал два раза в неделю, обходя палаты и делая приемы больным. Совершенно

отсутствие антисептики и кровососные банки возмущали его, но новых порядков он не вводил, боясь оскорбить этика Андрея Ефимовича. Своего коллегу, Андрея Ефимовича он считал старым плутом, подерывал у него большие средства и втайне завидовал ему. Он охотно-бы завял его и т. д.

И вот такому господину, во всех отношениях интеллигентному, пришлось вдруг играть роль злодея повести. По рассказу приятеля, именно, он распустился по городу слухи о сумасшествии Андрея Ефимовича и засадил коллегу в сумасшедший дом, где тот погиб столь ужасно.

II.

И вконец признаю при малокультурности и дикости нашего общества возможность запереть в сумасшедший дом вполне здорового человека из каких-то своеобразных и людских целей, тем более, что такие прискорбные случаи оказываются возможными даже в столь цивилизованной стране, как Англия, в чем убеждает нас известный роман Марка Твена «В тюрьме». Еще больше признаю возможным, что и без всякого злодея во главе и какого-либо коварства, в невежественной среде вдруг ни с того, ни с сего здорового человека могут признать помешанным, и, таким образом, попадать в заведомый круг, из которого нет выхода, так как каждый шаг его, слово перетолковываются в пользу больницы, он же конфузится и терается под градусом подозрительных взглядов, устремленных на него со всех сторон, дѣлает и в самом деле разные страхи, которых не дѣлал бы, если бы не находилась в таком положении, и поступки еще более оправдывают и подтверждают составившееся о нем мнение.

Представьте-же себе мое удивление, когда, прочтя повесть сам, я не нашел в ней ни того, ни другого. Андрей Ефимович, действительно, попал в сумасшедший дом и кончил там ужасною смертью, но это произошло вовсе не от коварства Хоботова, замышлявшего избавиться таким образом от коллеги и занять его место, и с другой стороны — вовсе не вследствие простого филантропизма обывателей города, принявших здорового человека за больного. Андрей Ефимович явился передо мною действительно далеко не в здравом уме и твердой памяти, и в самом авторе незначительно в большей степени, чем в ничтожном Хоботове, я усмотрел коварный замысел изобразить в лице Андрея Ефимовича, именно, психически больного человека. Если же он ввел читателей своих в некоторое заблуждение, то это произошло от двух причин: во-первых, он слишком объективно рассуждал, ни разу не промолвившись, какова основная мысль рассказа и какого плана он о своем герое, представляя читателям самим прийти к заключению, какия явствуют из повести; и во-вторых, в лице своего героя он представлял душевно-больного, подверженного такого рода психической боли, какая может длиться десятки лет, не обнаруживая никаких явных и различимых симптомов, и читатель, прочитавший повесть не особенно внимательно, мог совсем упустить из виду, именно, это обстоятельство.

Предполагая, что подобного рода читателей, врозь моего приятеля, — может быть много, — и почитать г. Чехова

Начинаю со слов «Надо вам сказать...» то же в кн.: Сур. А. Сладков. Сило в Мире томач. Р. II, изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 794-800 (с иными изменениями на редакцию). То же: изд. 3-е, т. II, СПб., 1903, с. 352-357.

кова рискует быть пеновата и неоцвѣна по своему значенію и достоинству, я намѣренъ немедленно-же приступить къ анализу главнаго героя его, Андрея Ефимовича.

III.

— Да, я боленъ. Но, вѣдь, десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что ваше невѣжество неспособно отличить ихъ отъ здоровыхъ. Почему-же я и вотъ эти несчастные должны сидѣть тутъ за всѣхъ, какъ козлы отпущенія? Вы, фольдшеръ, смотритель и вся ваша больничная сволочь въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже вѣждго изъ насъ, почему-же мы сидимъ тутъ, а вы вѣтъ? Гдѣ логика?».

Такъ говорилъ доктору одинъ завѣдомо больной, сохранившійся въ 6-й палатѣ, Иванъ Дмитріевичъ Громовъ, страдавшій много уже лѣтъ манією преслѣдованія.

Вотъ въ этихъ словахъ сумасшедшаго и заключается, по моему мнѣнію, основная мысль повѣсти г. Чехова.

И, дѣйствительно, вглядываясь въ нравственный и умственный міръ Андрея Ефимовича и затѣвъ въ тотъ полный разладъ, какой существовалъ между его теоріею и практикою жизни, мы выносимъ, именно, то тяжелое, давящее чувство, какое производитъ на насъ зрѣлище душевно-больныхъ.

Прежде всего насъ поражаетъ страшное состояніе больницы, во главѣ которой стоялъ Андрей Ефимовичъ.

«Въ палатахъ, корридорахъ и въ больничномъ дворѣ, — читаемъ мы, — тяжело было дышать отъ срада. Больничные мужики, сидѣлки и ихъ дѣти спали въ палатахъ вмѣстѣ съ больными. Жаловались, что житья вѣтъ отъ таракановъ, клоповъ и мышей. Въ хирургическомъ отдѣленіи не переводилась рожь. На всю больницу было только два скамелла и ни одного термометра, въ ваннахъ держали картофель. Смотритель, кастелянша и фельдшеръ грабили больныхъ, а про стараго доктора, предшественника Андрея Ефимовича, рассказывали, будто онъ занимался тайною продажей больничнаго спирта и завелъ себѣ изъ сидѣловъ и больныхъ женщинъ цѣлый гаремъ. Въ городѣ отлично звали про эти безпорядки и даже преувеличивали ихъ по отношенію къ нимъ синокойно; одни оправдывали ихъ тѣмъ, что въ больницу дожата только мѣшачка и мужики, которые не могутъ быть недовольны, такъ какъ дома живутъ гораздо хуже, чѣмъ въ больницѣ; не рабчиками-же ихъ кормить! Другіе-же въ оправданіе говорили, что одному городу безъ помощи неба не водъ силу содержать хорошую больницу; слава Богу, что хоть влохаа есть. А молодое смѣло не открывало лечебницы ни въ городѣ, ни во слѣ, сослалась на то, что городъ уже имѣетъ свою больницу».

Еще болѣе ужасающее впечатлѣніе производила палата № 6, гдѣ содержались душевно-больные. «Если, — рассказываетъ авторъ, — вы не боятесь омерзѣть о призыву, то пойдите на узкой тропинкѣ, ведущей въ флигель, и посмотрите, что дѣлается внутри. Отворивъ первую дверь, мы входимъ въ сѣни. Здѣсь у стѣнъ в омоло пачки навалены цѣлыя горы больничнаго хлама. Матраца, старые влодранные халаты, панталоны, рубахи съ синими полосками, вилуда негодная, истасканная обувь, — все это равнъ свалено въ вучи, перемата, свалалась, гниѣетъ и вадаетъ удушливый запахъ. На хламѣ всегда съ трубой въ зубахъ лежитъ сторожъ Никита, старшій отставной солдатъ съ порыжѣлыми нашивками. У него

суровое испитое лицо, нависшія брови, придающія лицу выраженіе степной овчарки, и красный носъ; онъ невысокъ ростомъ на видъ сухощавъ и жилистъ, во осанка у него внушительная и кулаки здоровые. Принадлежать онъ къ числу тѣхъ простодушныхъ, положительныхъ, исполнительныхъ и тупыхъ людей, которые больше всего на свѣтѣ любятъ порядокъ и потому убѣждены, что ихъ надо бить. Онъ бьетъ по лицу, по груди, по спинѣ, по чѣмъ попало, и увѣренъ, что безъ этого не было-бы здѣсь порядка. Далѣе вы входите въ большую, просторную комнату, занимающую весь флигель, если не считать сѣней. Стѣны здѣсь вымазаны грязно-голубою краской, потолокъ законченъ, какъ въ курной избѣ, — ясно, что здѣсь зимой дымятъ печи и бываетъ угарно. Озна изнутри обезображены желѣзными рѣшетками. Полъ сѣръ и занозистъ. Воняетъ кислому кану-стою, фитильною гарью, клопами и амміакомъ, и эта вонь въ первую минуту производитъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы входите въ звѣринецъ».

Чтая это ужасающее описаніе больницы, правда, въ захолустьемъ городкѣ, за 100 верстъ отстоящемъ отъ желѣзной дороги, вы начинаете понимать, отчего простой народъ нитаетъ къ больницамъ такой панническій ужасъ.

IV.

А что-же дѣлалъ стоявшій во главѣ больницы паншъ почтеннѣйшій Андрей Ефимовичъ? Какъ могъ допустить онъ, чтобы звѣринецъ ему заведеніе обратилось въ такую хлѣвъ, исполненный срада и тлѣнія?

Оттого-то и допускалъ и терпѣлъ онъ всѣ эти безобразія, что былъ воистинѣ душевно-больной человѣкъ. Въ самой внѣшности своей представлялъ онъ собою странное раздвоеніе и диссонансъ: наружность у него была тяжелая, грубая, мужицкая; онъ напоминалъ трактирщика на большой дорогѣ, развѣшавшагося, неводержимаго и крутого. Лицо суровое, покрытое синими жилками, глаза маленькіе, носъ красный. При высокомъ ростѣ и широкихъ плечахъ, у него были громадные руки и ноги: казалось, хватить кулакомъ — духъ вонь. И вдругъ при такой внушительной наружности поступъ у него была тихая и походка осторожная, вкрадчивая; при встрѣчѣ въ узкомъ корридорѣ онъ всегда первымъ останавливался, чтобы дать дорогу, и не басомъ, какъ ждали, а тихимъ, мягкимъ теноркомъ говорилъ: «виновать». Въ то-же время одѣвался съ небрежностью, именно, душевно-больного: одну и ту-же пару таскалъ лѣтъ по десяти, а новая одежда, которую онъ, обыкновенно, покупалъ въ еврейской лавкѣ, казалась на немъ такою-же поношенною и помятою, какъ старая; въ одну и ту-же сюртукъ онъ и больныхъ принималъ, и обѣдалъ, и въ гости ходилъ, и все это не изъ скупости, а отъ полного невниманія къ своей наружности.

Такой-же диссонансъ в разладъ затѣчался и во всемъ его характерѣ, равно и въ стрѣ жизни его. Прежде всего, насъ поражаетъ въ немъ полное отсутствіе воли, — одинъ изъ весьма существенныхъ признаковъ психическаго расстройства. Онъ чрезвычайно любилъ умъ и честность, но, чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватало характера и вѣры въ свое право. Прикиньтесь, запрещать и устанавливать онъ положительно не умѣлъ. Казалось, онъ далъ обѣтъ никогда не возвышать голоса и не употреблять повелительнаго наклоненія. Сказать «дай» или «сдвинься» ему было

трудно; когда ему хотѣлось ѣсть, онъ непременно по-
кашливалъ и говорилъ кухаркѣ: «Какъ-бы мнѣ чаю...»
или: «Какъ-бы мнѣ пообѣдать». Скажешь-же смотрителю,
чтобы онъ пересталъ красть или прогнать его, или со-
всѣмъ упразднить эту ненужную паразитную должность
— для него было совершенно не подъ силу. Когда обви-
няли Андрея Ефимыча или лестили ему, или подносили
для подписи завѣдомо подлый счетъ, онъ краснѣлъ, и къ
рагѣ, и чувствовалъ себя виноватымъ, но счетъ, все-таки,
подписывалъ; когда больные жаловались ему на голодь
или на грубые сидѣлки, онъ конфузился и виновато
бормоталъ: «хорошо, хорошо, я разберу нослъ... Вѣ-
роятно, тутъ недоразумѣіе...».

При такомъ феноменальномъ безвоіи, Андрей Ефи-
мычъ, привѣвъ должность, отнесся къ большинству без-
порядкамъ равнодушно. Онъ попросилъ только боль-
ничныхъ мужиковъ и сидѣлокъ не почевать въ на-
затахъ и поставилъ два шкафа съ инструментами, —
смотритель-же, пастельница, фельдшеръ и хирургиче-
ская роза остались на своихъ мѣстахъ. Въ первое
время Андрей Ефимычъ работалъ очень усердно: при-
нималъ ежедневно съ утра до обѣда, дѣлалъ операции и да-
же занимался акушерскою практикою.

Дамы говорили про него, что онъ внимателенъ и от-
лично угадываетъ болѣзни, особенно дѣтскія и женскія.
Но съ теченіемъ времени дѣло прискучило ему однообра-
зіемъ и очевидною бесполезностью. Сегодня принималъ 30
больныхъ, а завтра, глядишь, привалило ихъ 35, послѣ-
завтра—40, и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ,
и смертность въ городѣ не уменьшается, а больные не
перестаютъ ходить... Да и къ чему мѣшать людямъ уми-
рать, если смерть есть нормальный и законный конецъ
каждаго? Если-же видѣть цѣль медицины въ томъ, что
лечарства облегчаютъ страданія, то невольна напраши-
вается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ,
говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершен-
ству, а во-вторыхъ, если человечество въ самомъ дѣлѣ
научится облегчать свои страданія капсулами и клисти-
ми, то оно совершенно заброситъ религію и философію,
и въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту
отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ
смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдлая же Гей-
не несколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; во почему-же
не поболѣть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Мат-
рею Савицичъ, жизнь которыхъ безсодержательна и бы-
ла-и совершенно пуста и похожа на жизнь амобы, если-
бы въ страданіи? Шокавался очень часто, что «на вѣтъ
свѣтъ все невзначительно и неинтересно, промѣ выспитъ
духовныхъ проявленій человеческого ума. Умъ про-
водитъ рѣзкую грань между животнымъ в человѣкомъ, на-
мечаетъ на божественность послѣднего и въ некоторой
степени даже инстинктъ ему бессмертія»...

И вотъ, въ силу этого убѣжденія, что ничего нѣтъ
выше духовныхъ проявленій человеческого ума, докторъ
всю жизнь только и дѣлалъ, что философствовалъ, при-

чемъ философія его была совершенно особеннаго рода, спе-
цифическая философія русскихъ безвольныхъ людей и
неумѣющихъ, и не желающихъ относиться къ жизни
активно. Въ одномъ мѣстѣ авторъ устами одного сум-
асшедшаго субъекта прекрасно характеризуетъ эту рос-
сійскую философію такими словами:

— Во всю жизнь до васъ никто не дотронулся паль-
цемъ, никто васъ не заукивалъ, не забивалъ; здоровы
вы, какъ бытъ. Росли вы подъ крылышкомъ отца и учи-
лись на его счетъ, а потомъ сразу захватыва синевуру.
Больше двадцати лѣтъ выжили на бесплатной квартирѣ,
съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, нѣтъ
притомъ право работать, какъ и сколько вамъ уголку, хо-
тя-бы ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ глѣ-
бый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь
такъ, чтобы васъ ничто не беспокоило и не денегало съ
мѣста. Дѣла вы сдали фельдшеру и прочей сволочи, а са-
ми сидѣли въ темлѣ, да въ тишинѣ, коими дѣти,
книжки почитывали, усаждали себя размышленіемъ о
разной возвышенной чепухѣ и выживохомъ. Одинъ
словомъ, жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно,
а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А
присраете вы страданія и ничему не удивляетесь по
очень простой причинѣ: суета суетъ, вышнее и внут-
реннее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, ура-
зукъвнѣ, истинное благо, — все это философія, самая под-
ходящая для російскаго лежебока. Видите вы, напримѣ-
ръ, какъ мужикъ бьетъ жену. Зачѣмъ вступаться?
Пусть бьетъ, все равно оба помрутъ рано или поздно; а
бьющій, къ тому-же, оскорбляетъ и обонни не того, кого
бьетъ, а самого себя. Шьянствовать глупо, неирмычно,
во пить—умирать и не пить—умирать. Приходитъ баба,
зубы болятъ... Ну, что-жъ? Боль есть представляше о
боли, и къ тому-же, безъ болѣзней не проживешь на
этомъ свѣтѣ, все поиремъ, а потому стулай, баба, прочь,
не мѣшай мнѣ мыслить и водку пить. Молодой человѣкъ
проситъ совѣта, что дѣлать, какъ жить; прежде, чѣмъ
отвѣтить, другой-бы задумался, а тутъ уже готовъ от-
вѣтъ: стремись къ уразумѣнію, или къ истинному бла-
гу. А что такое это фантастическое «истинное благо»?
Отвѣтъ нѣтъ, конечно. Насъ держатъ здѣсь за рѣшеткой,
гноять, истязуютъ, но это прекрасно и разумно, потому
что между этою палатою и теплымъ, уютнымъ кабинѣ-
томъ нѣтъ никакой разницы. Удобная философія: и дѣ-
лать нечего, и совѣтъ чиста, и мудрецовъ себя чувству-
ешь... Нѣтъ, сударь, это не философія, не мышленіе, не
острогъ взгляда, а лишь фширство, сонная одурь... Да!...
Страданія присраете, а небось иридемн ванъ дверь па-
лецъ, такъ заорете во все горло!...

Неправда-ли, сколько глубокой правды въ этихъ сло-
вахъ сумасшедшаго и какой прекрасный ключъ даютъ
они намъ въ уразумѣнію причины появленія въ нашемъ
обществѣ толстовщины и тому подобныхъ доморощен-
ныхъ ученій? Все это оказывается правильны порожде-
ніемъ нашей безвольности, пассивности, разгильдяства,
— словомъ всероссійской обломовщины.

Теперь вотъ, какииъ является передъ вами герой разска-
за г. Чехова въ своемъ ежедневномъ обиходѣ. Теперь мы
посмотримъ, какъ нѣтъ едва замѣтныхъ симитмовъ раз-
вилась въ немъ психическая болѣзнь, доведшая его до
сумасшедшаго дома.

А. Снабичевскій.